

— Это Цинь Фан! Он десять лет ни одного ученика не брал!

От этого крика профессора Бая оба на несколько секунд потеряли дар речи.

Старик схватил их за руки с такой силой, что стало страшно; кончики его пальцев едва заметно дрожали.

— Цинь Фан, а вы его консультантом называете?! — Он тараторил так быстро, что язык едва поспевал. — Экстренная помощь при травмах и восстановление нервной ткани — две горы, и дороги на обе проложил он один! Национальные премии получал одну за другой, половина научного сообщества — его ученики и ученики учеников! Десять лет назад человек в одну ночь отказался от всех должностей и званий, приехал в Линьцзян и с тех пор не берёт студентов, не читает лекций, не даёт интервью. В профессиональной среде его называют Скрытой горой!

Цяо Е сжимал пустую бутылку из-под газировки и долго не мог найти собственный язык.

— Он сейчас сказал, чтобы вы оба в понедельник пришли в триста четвёртую? — Профессор Бай смотрел на них так сложно, будто перед ним стояли два только что выкопанных из земли национальных сокровища. — Идите. Даже если небо рухнет — всё равно идите.

К вечеру новость докатилась до общежития. Дачжуан пол-ночи сидел в телефоне, копая информацию, и чем больше находил, тем невероятнее всё выглядело. В два часа ночи он растормошил Цяо Е под одеялом и уставился на него так, будто увидел привидение:

— Брат Е, я все статьи про него до дыр пролистал. Этот старик реально легенда. Вы с Пэй Цзюэ в какое небесное собачье дерьмо наступили, что вам так повезло?!

Цяо Е всю ночь спал урывками.

Он никак не мог понять: почему человек такого уровня полгода прятался в студенческом кружке, носил выцветшую старую куртку, держал чашку холодного чая и просто сидел там день за днём?

В понедельник утром, когда Цяо Е подошёл к базовому корпусу, Пэй Цзюэ уже ждал внизу.

На нём была белая рубашка, выглаженная ещё безупречнее обычного; даже пуговицы на манжетах застёгнуты идеально. Цяо Е оглядел его сверху вниз и приподнял бровь:

— Так рано пришёл?

— По пути, — не моргнув, ответил Пэй Цзюэ.

— Ты живёшь на востоке города, а этот корпус на западе.

Пэй Цзюэ не удостоил реплику ответом. Поднял запястье и взглянул на старые серебряные часы.

— Восемь пятьдесят одна. Пойдём наверх.

Цяо Е с трудом подавил улыбку и пошёл следом. Надо же, оказывается, этот любимец судьбы тоже умеет нервничать. От такого открытия Цяо Е почему-то стало немного легче.

Самая дальняя дверь на третьем этаже базового корпуса казалась ровесницей самого здания. Тёмно-зелёная краска отслоилась по краям, от таблички осталась половина, и на ней едва угадывалась цифра «четыре». Они встали рядом перед дверью. Прежде чем постучать, Цяо Е глубоко вдохнул.

Дверь открылась.

На пороге стоял сам Цинь Фан — всё в той же выцветшей старой куртке, всё с той же чашкой холодного чая. Он отступил в сторону:

— Заходите.

Переступив порог, Цяо Е на мгновение перестал дышать.

Снаружи дверь выглядела так, будто её пора сдавать в музей, а за ней скрывался совсем другой мир. Лаборатория занимала целый объединённый этаж; от белизны резало глаза. В ряд стояли несколько приборов, которые Цяо Е раньше видел только на иллюстрациях в статьях, индикаторы тихо мерцали. В воздухе едва слышно гудела система поддержания температуры, а пол был настолько чистым, что отражал людей.

— Садитесь. — Цинь Фан опустился в старое плетёное кресло, отпил холодного чая и сразу перешёл к делу. — В тот день у ворот университета я стоял в толпе.

У Цяо Е по спине пробежало онемение.

— И окно в анатомическом корпусе я тоже часто открываю, — всё так же неторопливо продолжил старик. — Кружок по интересам, больше полугода. Всего через него прошло тридцать семь человек. Приходили и уходили. Остались только вы двое. Весь этот кружок от начала до конца был одним большим ситом.

Выходило, с самого первого дня учебы каждое их движение попадало под взгляд этих мутноватых глаз. Цяо Е не мог решить, страшно ему задним числом или просто не по себе, но

кожу на голове покалывало.

— У меня здесь три правила. — Цинь Фан поднял три пальца. — Первое: переступили эту дверь — смотрим только на данные. Не на происхождение и не на фамилию. Второе: ругайтесь сколько хотите, но дело портить нельзя. Третье: всё, что у меня есть, я отдам без остатка. Но если кто-то посмеет хотя бы один показатель подсунуть мне кое-как — вылетит сразу.

— Можете соблюдать — оставайтесь. Не можете — дверь открыта.

В трёх правилах не было ни слова о таланте и ни слова о связях. Цяо Е мысленно повторил их, и напряжение, державшее грудь с момента входа, чуть ослабло. Такие правила ему нравились.

Пэй Цзюэ до сих пор молчал. Теперь вдруг заговорил; голос был натянуто ровным:

— Вы знакомы с моим дедом.

— Старые противники. — Цинь Фан поднял веки. — Характер у него всё такой же мерзкий и упрямый?

Челюсть Пэй Цзюэ слегка напряглась.

— Я знаю, о чём ты думаешь. — Старик поставил чашку на стол. — Я выбирал две пары рук у ворот университета. Я не выбирал внука семьи Пэй. Если ты пришёл сюда из-за своей фамилии или собираешься из-за неё уйти — эта дверь для тебя сейчас открыта.

В комнате на несколько секунд стало тихо.

Цяо Е повернул голову. Он увидел, как Пэй Цзюэ стоит на месте, как двигается его кадык, и как в глубине глаз что-то очень медленно, очень осторожно отпускает. Будто кто-то снял с его плеч невидимый груз, который он нёс больше двадцати лет.

— Я остаюсь, — сказал Пэй Цзюэ.

Цинь Фан кивнул и перевёл взгляд на Цяо Е:

— Ты. В лаборатории есть должность научного ассистента. Оплата за работу, официальный договор, через бухгалтерию. В месяц столько, что тебе больше не придётся таскать тарелки.

Взгляд Цяо Е мгновенно стал острым:

— Откуда вы знаете, что я таскаю тарелки?

— Эти два тёмных круга у тебя под глазами и твоя спина, которая каждый день в пять сорок убегает через задние ворота, сами умеют разговаривать, — невозмутимо сказал старик. — Никто мне не сплетничал.

Цяо Е несколько секунд смотрел на него, затем спросил прямо:

— Эти деньги я получу за работу?

— В моей лаборатории денег просто так не дают.

— Договорились. — Цяо Е ответил без колебаний. — Из закусочной увольняюсь сегодня вечером. Репетиторство оставляю, оно по выходным.

— Ладно. — Цинь Фан редким образом усмехнулся. — Жизнь по выходным тоже считается жизнью.

Цяо Е опустил взгляд. Эти деньги и те деньги под светом у входа — совершенно разные вещи. Те были подачкой, и он бы лучше всю ночь простоял под дождём, чем взял их. А эти — зарплата, которую он заработает собственными умениями. Их можно брать с прямой спиной.

Он не заметил, что при словах «научный ассистент» пальцы руки Пэй Цзюэ, опущенной вдоль тела, едва заметно расслабились. То, что висело незакрытым с той дождливой ночи, наконец нашло своё место.

Оформление оказалось неожиданно быстрым. Пропуск, белый халат, договор — всё одно за другим оказалось у них в руках. В конце старик провёл их в самый дальний конец лаборатории.

У окна стояли два стола, сдвинутые вместе. На каждом — новая табличка с именем.

Пэй Цзюэ. Цяо Е.

Рядом.

Цяо Е две секунды смотрел на эти таблички, и уши почему-то стали горячими. Он решил, что в комнате просто слишком сильно топят.

— Кстати. — Цинь Фан за спиной неторопливо добавил: — Я выбрал вас не только потому, что вы мне приглянулись. Есть ещё одна личная причина.

Оба одновременно обернулись.

— Какая? — спросил Цяо Е.

— Чего торопишься. — Старик махнул рукой и поднял чашку холодного чая. — Когда-нибудь сами увидите. Когда поймёте — считайте, половина моей причины уже сработала.

Сколько ни спрашивали дальше, он отвечать не стал. Указал на коробку высотой почти по пояс в углу и положил на неё жёсткий диск.

— Первое задание. Эта коробка литературы. Две недели — и мне совместный обзор. В пятницу сначала сдаёте структуру. Материалы оставляете на рабочих местах, сами можете приходить когда угодно. Лаборатория официально закрывается в десять вечера, но ваши карты работают круглосуточно.

Когда они вышли из базового корпуса, край неба уже горел вечерней зарёй.

Спускаясь по ступеням, Цяо Е с запозданием осознал одну вещь: с сегодняшнего дня он будет от рассвета до сна каждый день сидеть в одной комнате с человеком рядом.

— До пятницы, — вдруг сказал Пэй Цзюэ, глядя прямо перед собой, — всё твоё время принадлежит мне.

Цяо Е чуть не подавился собственной слюной:

— Ты что сказал?!

— Обзор, — невозмутимо уточнил Пэй Цзюэ.

— ...А.

Цяо Е отвернул лицо; кончики ушей горели. Сердце почему-то ударило дважды быстрее.

— Сегодня в восемь. В лаборатории, — добавил Пэй Цзюэ и уже пошёл вниз по склону.

— Сегодня же начинаем?!

Тот даже не обернулся; голос донёсся по вечернему ветру:

— Твоё время.

Цяо Е стоял в закатном свете и смотрел на прямую фигуру впереди. Спустя несколько секунд

выдавил сквозь зубы:

— Посмотрим, кто кого.

<http://bllate.org/book/21871/2271027>